

А. С. Пушкин

Пушкин

Собрание сочинений. Том I

**Москва
«Книга по Требованию»**

П91 **Пушкин А.С.**
Пушкин: Собрание сочинений. Том I / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 686 с.

ISBN 978-5-458-25381-9

Полное энциклопедическое собрание сочинений великого поэта. Накануне 210-й годовщины со дня его рождения Александра Сергеевича Пушкина вниманию пользователей сайта предлагается одно из самых знаменитых и качественных изданий наследия великого русского поэта - 6-томное полное собрание сочинение из Библиотеки великих писателей Брокгауза и Ефрона под редакцией С. А. Венгерова. Издание сопровождаются отдельные этюды о каждом моменте биографии поэта, очерки о его ближайших друзьях и знакомых - Пушкине, Кюхельбекере, Александре Тургеневе, Василии Пушкине, Вяземском и других, этюды о литературном влиянии на Пушкина русских и иностранных писателей. Каждое из сколько-нибудь начительных произведений Пушкина снабжено историко-литературным введением. К каждому из небольших стихотворений даются пояснительные примечания прямо параллельно тексту. Здесь нашли место наиболее замечательные из картин, писанных на пушкинские сюжеты - Брюллова, Ге, Репина, Айвазовского, Крамского, Клодта, Микешина, Мясоедова, Васнецова и многих других. Все произведения, в которых действуют исторические лица, иллюстрированы портретами этих лиц, видами местностей, бытовыми деталями и т.д. Издание напечатано особо заказанным шрифтом пушкинского времени, с сохранением авторского правописания. Порядок издания строго-хронологический, составители задавались целью представить ход творчества великого писателя в его последовательном развитии. «Мы хотели бы сделать своего рода Пушкинскую энциклопедию, где должно найти место всё, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта».

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О лицахъ, оказавшихъ намъ услуги въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, будетъ съ благодарностью указано въ послѣсловіи къ настоящему тому.

III.

Сложнѣйшую часть редакціонной задачи составляетъ вопросъ о текстѣ.

Что считать текстомъ настоящимъ, какого принципа держаться при томъ разнообразномъ выборѣ, который представляютъ собою первоисточники Пушкинскаго текста? Чему придать рѣшающее значеніе: рукописямъ, первопечатному тексту, сподному тексту, первой авторской редакціи, послѣдующимъ редакціямъ?

Несмотря на то, что собранія соч. Пушкина издаются вотъ уже около 70 лѣтъ, до сихъ поръ еще не установился общепризнанный текстъ, такъ сказать, Пушкинскій канонъ. И каждому новому издателю приходится заново задумываться надъ тѣмъ, что вѣрнѣе приблизитъ его къ лучшей передачѣ.

Мы не станемъ здѣсь входить въ детали. Въ концѣ каждаго тома будетъ дана статья «Исторія Пушкинскаго текста», гдѣ по поводу каждаго произведенія будутъ указаны основанія, почему припять тотъ или другой текстъ. Покаместъ отмѣтимъ только, что мы считали бы педантизмомъ руководиться однимъ какимъ-нибудь общимъ для всего изданія принципомъ. Мы думаемъ, что для каждаго частнаго случая есть свои особыя, рѣшающія основанія. Нельзя подводить подъ одинъ ранжиръ тѣ разнообразные мотивы, на основаніи которыхъ въ томъ или другомъ случаѣ приходится остановиться на томъ или другомъ текстѣ.

Взять, напр., самъ по себѣ столь важный при изданіи сочиненій великаго художника принципъ, какъ эстетическій. И однако, слѣдное подчиненіе этому принципу въ значительной степени обезцѣнило такое первостепенной важности изданіе, какъ Анненковское. Въ силу эстетическаго принципа, Анненковъ пошелъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы пренебречь цѣлымъ рядомъ стихотвореній и—что еще хуже—выбрасывать отдѣльные мѣста «по слабости созданія».

Времена такого эстетическаго хозяйничанія теперь безвозвратно миновали. Позднѣйшіе авторитетные издатели—П. А. Ефремовъ, В. Е. Якушкинъ, П. О. Морозовъ и Л. Н. Майковъ уже дорожили каждымъ не-

законченнымъ наброскомъ, каждой строчкой, каждымъ словомъ.

Само собою разумѣется, что мы всецѣло примыкаемъ къ этому историческому методу изданія произведеній великаго поэта.

И все-таки это вовсе не значить, что мы считаемъ себя обязанными во всѣхъ случаяхъ поставить принципъ исторической передачи выше принципа эстетическаго выбора. Вотъ примѣръ, непосредственно относящійся къ I тому, посвященному, по преимуществу, такъ называемымъ «Лицейскимъ стихотвореніямъ».

Извѣстно, какое мѣсто занимаютъ эти стихотворенія въ общей іерархіи произведеній Пушкина. Всѣ согласны, что значеніе «Лицейскихъ стихотвореній»—вполнѣ второстепенное. Образно выражаясь, это не болѣе какъ первые взмахи крыльевъ молодого орла. Конечно, молодой орелъ рѣшительно и мощно поднимается къ небесамъ, но большой высоты онъ еще не достигъ.

При этомъ, относительно, не крупномъ художественномъ значеніи «лицейскихъ стихотвореній», казалось-бы, ихъ надо воспроизводить именно въ той самой формѣ, въ какой они первоначально вылились у гениальнаго лицеиста. Но дѣло осложняется тѣмъ, что въ изданные имъ самимъ въ 1826 г. и позднѣе сборники стихотвореній Пушкинъ не просто кое-что внесъ изъ произведеній лицейской поры, а внесъ съ существенными поправками.

И вотъ возникаетъ конфликтъ между историческимъ и эстетическимъ принципами. Съ исторической точки зрѣнія кажется совершенно неправильнымъ давать юношеское произведеніе въ исправленномъ рукою созрѣвшаго гения видѣ. Въ такой передѣлкѣ оно не характеризуетъ ни юношескій періодъ, ни зрѣлый.

Изъ этого конфликта мы выходимъ, руководствуясь эстетическими соображеніями. Мы рассуждаемъ такъ: разъ очень строгій къ себѣ Пушкинъ въ 1826 году счелъ возможнымъ перепечатать кое-что изъ произведеній ранней поры, значить онъ призналъ за ними эстетическую цѣну. И тогда, конечно, уже надо брать ихъ именно въ той формѣ, къ которой приложены наибольшія старанія достигъ художественнаго совершенства.

Ограничиваемся этимъ примѣромъ столкновенія разныхъ принциповъ, чтобы показать, что было-бы своего рода канцелярщиной держаться всегда одного и того-же принципа при выборѣ текста. Случай такого столкновенія чрезвычайно разнообраз-

пы, вплоть до бесспорныхъ описокъ и ошибокъ самого Пушкина, по отношенію къ которымъ нельзя не позволить себѣ иѣкотораго «превышенія» власти»¹⁾.

Впрочемъ, достаточною гарантіей противъ такого рода превышенія власти является то, что въ примѣчаніяхъ и прилагаемой къ каждому тому особой статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста» читатель найдетъ и всѣ варианты, и точное описаніе первоисточника. Такимъ образомъ, всякій неправильный редакторскій домысль можетъ быть провѣренъ.

IV.

Не допускаетъ однообразнаго принципа и вопросъ о вѣшней передачѣ, т.-е. правописаніе.

Велика пестрота въ этомъ отношеніи Пушкинскихъ изданій. Посмертное изданіе 1838—41 гг. держалось правописанія своего времени. Липенковъ то держался правописанія первопечатныхъ источниковъ и изд. 1838—41 гг., то модернизировалъ его по орфографіи второй половины 50-хъ гг. Всѣ позднѣйшіе издатели — Геннади, Ефремовъ, Морозовъ, Майковъ тоже держались новѣйшаго правописанія. И только редактируемый В. Е. Якушкинымъ II томъ Академическаго изданія, придерживаясь постановленія Пушкинской комиссіи, выдвинулъ принципъ «Пушкинскій орфографіи».

Для насъ не существуетъ колебаній по этому вопросу, и вотъ почему. Если-бы мы предназначали настоящее изданіе для людей, впервые знакомящихся съ Пушкинымъ, мы бы, конечно, держались новѣйшаго пра-

1) Взять, напр., «Пирующіе студенты». Стихотвореніе это при жизни Пушкина напечатано не было. Значитъ, рѣшающею инстанціею является автографъ. А между тѣмъ въ этомъ автографѣ, не отбѣланномъ, окончательно не просмотрѣнномъ, есть вещи, съ которыми нельзя приириться. Подшучивалъ надъ мало даровитымъ товарищемъ своимъ — поэтомъ Кюхельбекеромъ, Пушкинъ обращается къ нему такъ:

Писатель за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе и т. д.

Выходитъ, что Кюхельбекеръ сталъ писателемъ за свои грѣхи — мысль совершенно неопытная. Дѣло объясняется, однако, очень просто, если напечатать стихи съ знаками приписанія:

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе.

Такъ неужели же издатель долженъ довести свое благоволеніе до того, чтобы не поставить отъ себя явно пронужденный здѣсь знакъ обращенія — запятую или восклицательный знакъ?

вописанія, потому что для полноты эстетическаго впечатлѣнія не нужно отвлекать вниманія вещами посторонними. Эстетическое впечатлѣніе должно легко и непосредственно ложиться на душу читателя. Если же вдругъ натыкаешься на *щастіе* вмѣсто *счастье*, на *тма* вмѣсто *тьма*, на *нещастной* вмѣсто *несчастный* и т. д. — это необычное начертаніе, несомнѣнно, отвлекаетъ вниманіе въ другую сторону, и полнота эстетической эмоціи пропадаетъ.

Но мы представляемъ себѣ тѣхъ, которые заинтересуются нашимъ изданіемъ иѣсколько иначе. Думается, что человекъ, приобретающій роскошное изданіе Пушкина, уже имѣетъ какое-нибудь изъ изданій обыкновенныхъ, которые теперь доступны для самой скромнѣйшей бібліотеки. Мы исходимъ изъ того предположенія, что читатель настоящаго изданія уже раньше ознакомился съ соч. Пушкина, а съ помощью настоящаго изданія хочетъ лишь углубить свое чисто-литературное знакомство съ Пушкинымъ историко-литературнымъ изученіемъ, хочетъ къ впечатлѣнію эстетическому прибавить историко-литературный анализъ.

И если мы для достиженія, если можно такъ выразиться, историчности впечатлѣнія прибѣгаемъ и къ стилистичности орнамента, и къ шрифту Пушкинскаго времени, то тѣмъ болѣе намъ кажется необходимымъ держаться Пушкинскаго правописанія. Это несомнѣнно, усиливаетъ ту архаичность впечатлѣнія, которая такъ неизбежна при усвоеніи Пушкина, писателя великаго, но, все-таки, въ значительной части своихъ произведеній отошедшаго въ область уже пережитыхъ русской литературой настроеній.

Что, однако, признать «Пушкинскій» орфографіей?

Вопросъ, можетъ быть, еще труднѣе подающійся безпорному разрѣшенію, чѣмъ вопросъ о текстѣ.

Абсолютно-авторитетнаго источника тутъ совсѣмъ нѣтъ, потому что даже подлинныя Пушкинскія рукописи не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Пушкинъ и былъ нетвердъ въ орфографіи, и страшно размахисто набрасывалъ свои произведенія, думалъ только о главномъ и пренебрегалъ всѣмъ второстепеннымъ, вплоть до того, что даже не выписывалъ полностью всѣхъ словъ.

Удивительно-ли, что при такой размахистости и ошибкахъ, и простыхъ описокъ въ Пушкинскихъ рукописяхъ множество. А уже знаки препинанія Пушкинъ почти совсѣмъ не разставлялъ.

Большее значеніе имѣеть орфографія первопечатныхъ источниковъ—журналовъ, альманаховъ, вышедшихъ при жизни Пушкина сборниковъ его сочиненій, посмертнаго изданія 1838—41 гг. Ея мы въ большинствѣ случаевъ и придерживаемся, потому что это, при всѣхъ недосмотрахъ и ошибкахъ, собственно и есть подлинная орфографія Пушкинскаго времени. Обычное возраженіе, что сплошь да рядомъ бываютъ невнимательные и не знающіе корректора и что странно увѣковѣчивать ихъ ошибки—несостоятельно. Конечно, бываютъ малограмотные корректора, и нѣтъ ничего печатнаго безъ опечатокъ. Но въ данномъ случаѣ надо руководствоваться тѣмъ, что въ соціальныхъ наукахъ называется закономъ большихъ чиселъ. Корректуря совретъ разъ, совретъ два, но, въ общемъ, работа многихъ людей всегда характеризуетъ свое время и даже въ проявленіяхъ невѣжества передаетъ колоритъ эпохи.

Порядокъ нашего изданія строго-хронологическій. Подраздѣленія на «мелкія» произведенія, «эпическія», «лирическія» и т. д. слишкомъ произвольны и субъективны. Мы задаемъ цѣлью представить ходъ творчества

великаго писателя въ его послѣдовательномъ развитіи.

Однако, въ силу этого-же принципа послѣдовательнаго развитія, слѣдуетъ отдѣлить стихи Пушкина отъ прозы его, а прозу раздѣлить на нѣсколько группъ: повѣсти, журнальныя и критическія статьи, историческія изслѣдованія. Каждый изъ этихъ видовъ Пушкинскаго творчества имѣеть свою особую исторію и долженъ быть представленъ въ своей совокупности. Только тогда выясняются объединяющіе ихъ идеи, приемы и настроенія.

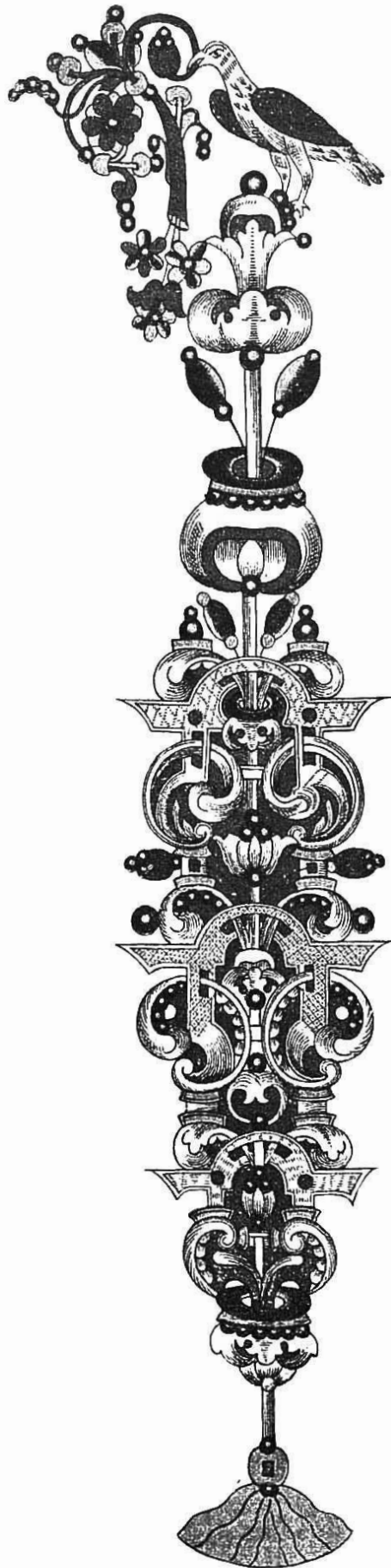
Повторяемъ въ заключеніе, что мы небрасываемъ здѣсь плащъ изданія лишь въ общихъ чертахъ. Деталей такъ много и ихъ столько возникаетъ по мѣрѣ того, какъ работа идетъ впередъ, что мы предоставляемъ себѣ право поговорить о разныхъ сторонахъ настоящаго изданія въ послѣсловіи къ первому и дальнѣйшимъ томамъ.

И пусть трудность поставленной задачи послужитъ извиненіемъ тѣмъ промахамъ, которые неизбежны въ такомъ сложномъ дѣлѣ.

С. Венгеровъ.

С.-Петербургъ.

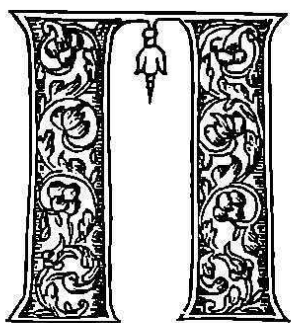
1 декабря 1906 г.

«Моя предокъ Радша с службой бравною
Святому Невскому служилъ.
А. Пушкинъ. Моя родословная.»

I.

ри державѣ великаго государя и великаго князя Александра Ярославича Невскаго приде изъ нѣмецъ мужъ честенъ и именемъ «Радша» — такъ начинаются родословныя росписи, поданныя въ 1686 году представителями нѣсколькихъ вѣтвей рода Пушкиныхъ въ Разрядный Приказъ. Ссылался на предка, выѣзжаго «изъ нѣмецъ», Пушкины слѣдовали общей тенденціи русскихъ дворянскихъ родовъ, показывавшихъ легендарныхъ предковъ своихъ выходцами изъ иностранныхъ государствъ: легенды эти, не подаваясь исторической провѣркѣ, приписывались на вѣру, давая право представителямъ родовъ гордиться своимъ древнимъ происхожденіемъ и пользоваться имъ при разнаго рода служебныхъ отношеніяхъ.

1) Настоящая статья составлена на основаніи матеріаловъ, собираемыхъ авторомъ для пригласенной къ печати полной родословной Пушкиныхъ—потомковъ Радши—и Гашибаловъ, а потому при изложеніи ея не дѣлаются ссылки на источники (преимущественно архивныя), указанія на которые интересующіеся найдутъ въ работѣ по выходѣ ея въ свѣтъ.

«Легендарный предокъ Пушкина—Радша—считается родоначальникомъ многихъ дворянскихъ фамилій, большею частью уже угасшихъ, но частью существующихъ и по настоящее время. Согласовать показаніе родословной о времени выѣзда Радши съ лѣтописными данными о лицахъ съ тѣмъ же именемъ и съ именами его ближайшихъ потомковъ не представляется возможности, — вотъ почему наши генеалоги различно толкуютъ и комментируютъ событія ихъ жизни. М. Г. Спиридовъ, называя Радшу Лазаремъ, отождествляетъ его съ тѣмъ бояриномъ Новгородскимъ, который упоминается въ «Исторіи» Карамзина убитымъ въ бою съ ливонцами на р. Коголѣ 18 февраля 1268 г. 1). Известный генеалогъ князь И. В. Долгоруковъ говоритъ, что Радша прибылъ изъ Германіи въ Новгородъ въ концѣ XII вѣка 2); М. В. Мурашевъ, авторъ «Родословія А. С. Пушкина» 3), считаетъ, что Радша, при крещеніи названный Ростиславомъ-Стефаномъ, былъ тѣномъ князя Всеволода Ольговича, и относитъ къ нему извѣстіе лѣтописей о томъ, что въ 1146 г. кіевляне разграбили его дворъ. П. И. Бартевель въ статьѣ своей «Родъ и дѣтство

1) «Записки стариннымъ службамъ русскихъ благородныхъ родовъ» (рѣк. Имп. Публ. Библ.) ч. VII, стр. 38.—2) «Росс. родосл. книга», ч. II, Спб. 1855, стр. 151.—3) «Пушкинскій Сборникъ», Спб. 1899, стр. 655.

Пушкина ¹⁾ стоять на почвѣ показанія росписей и говорить, что «Радша выселился въ намѣ въ княженіе Александра Невскаго». Самъ поэтъ, очевидно, также принималъ на вѣру легенду, созданную его предками, и принималъ съ тѣмъ большею увѣренностью, что подтвержденіе ей находилъ въ близко ему знакомой «Исторіи» Карамзина: послѣдній, говоря, что «слава Александра, по свидѣтельству нашихъ родословныхъ книгъ, привлекла къ нему изъ чужихъ земель—особенно изъ Германіи и Пруссіи—многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ»,—въ примѣчаніи къ этому мѣсту перечисляетъ и потомковъ Радши. Зналъ поэтъ, безъ сомнѣній, и родословную роспись Пушкиныхъ, вошедшую въ составъ такъ называемой «Бархатной Книги», изданной Н. И. Новиковымъ въ 1787 г.; зналъ, что легенда о выѣздѣ Радши и происхожденіи отъ него Пушкиныхъ закрѣплена официально внесениемъ ея въ «Гербовникъ»; слышалъ о ней и по преданіямъ, свято сохранявшимся еще въ то время въ дворянскихъ семействахъ; видѣлъ, конечно, и справку, выданную Василію Львовичу Пушкину изъ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1799 году. Таковы были источники, изъ которыхъ поэтъ могъ почерпнуть убѣжденіе въ древности своего рода, которымъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ основаніе гордиться, встрѣчалъ имена предковъ своихъ на многихъ и видныхъ страницахъ отечественной исторіи.

Пушкины были потомками Радши уже въ седьмомъ колѣнѣ. Въ вышеупомянутой справкѣ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ ближайшее потомство Радши записано такъ: «Во дни благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго пріѣхалъ изъ шведъ мужъ честенъ именемъ Радша (колѣно I). А у Радши сынъ Якупъ (кол. II). А у Якупа сынъ Алекса (кол. III). А у Алексы сынъ Гаврило Алексичъ (кол. IV). А у Гаврила дѣти: Иванъ Морхиня (кол. V) да Акифрей Великой. У Ивана Морхини сынъ Александръ (кол. VI). У Александра дѣти: Федоръ Невѣдомица, Александръ Плото, Давыдъ Казарипъ, Володимеръ Холопиво, Григорій Пушка (кол. VII).» Отъ Григорія Пушки, жившаго въ концѣ XIV или

въ началѣ XV вѣка, и пошли, собственно, Пушкины. Григорій имѣлъ семь сыновей, изъ которыхъ лишь двое—Александръ и Константинъ—передали своему потомству прозваніе Пушкиныхъ, тогда какъ отъ остальныхъ трехъ, имѣвшихъ дѣтей (двое были бездѣтны), пошли Рожновы, Курчевы, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Шафериковы-Пушкины, Кологривовы, Поводовы, Товарковы и другіе.

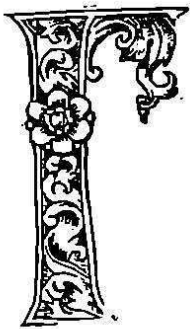
Александръ Григорьевичъ Пушкинъ былъ родоначальникомъ старшей вѣтви Пушкиныхъ, въ мужскомъ колѣнѣ угасшей въ 1875 году со смертію Ивана Алексѣевича—сына извѣстнаго остряка, театрала и писателя Алексѣя Михайловича († 1825 г.), женатаго на Еленѣ Григорьевнѣ Восейковой ¹⁾, и

пріятеля В. А. и С. А. Пушкиныхъ. Вѣтвь эта до середины XIX вѣка удерживала, въ лицѣ своихъ довольно многочисленныхъ, но захудалыхъ представителей, земельный владѣніи въ Новгородской области, сохранявъ, такимъ образомъ, связь съ мѣстомъ выѣзда Радши. Изъ членовъ этой же вѣтви происходили: дѣдъ упомянутого Алексѣя Михайловича—одноименный ему Алексѣй же Михайловичъ, женатый на Марьѣ Михайловнѣ Салтыковой († 1785 г.), дальней родственникъ имп. Анны Иоанновны, бывшій сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ, посланникомъ въ Данію и Швеціи, Архангельскимъ и Воронежскимъ губернаторомъ. Изъ сыновей его Михайль Алексѣевичъ († 1785 г.), бывшій прокуроромъ Коммерцъ-Коллегіи, въ 1772 г., былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, капитаномъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ, въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій и сосланъ въ Сибирь; живя въ Тобольскѣ, онъ сотрудничалъ въ журналѣ «Иртышъ, превращающійся въ Иппокрену» (1789—1791 г.); его жена Наталья Абрамовна, рожденная княжна Волколская († 1819 г.), послѣдовала за мужемъ въ ссылку, а потомъ проживала въ Москвѣ, гдѣ въ салонѣ ея постоянно бывали, между прочимъ, В. А. и С. А. Пушкины и князь П. А.

1) «Отеч. Записки» 1853 г., т. XCI, отд. II, стр. 2.

1) По 1-му браку Нѣмцова; извѣстны ея дружескія отношенія къ К. П. Батюшкову, братьямъ Тургеневымъ (особенно—Сергѣю), кн. П. А. Вяземскому и др.

Вяземскій. Третій братъ ихъ, Федоръ Алексѣевичъ († 1810 г.), женатый на княжнѣ Маріи Ивановнѣ Оболенской, былъ Воронежскимъ губернаторомъ; въ одну изъ дочерей его, Софію Федоровну (р. 1806 † 1862 г.), вышедшую за В. А. Панина, влюбленъ былъ поэтъ, сватавшийся за нее въ Москвѣ въ концѣ 1826 г. Къ той же вѣтви новгородскихъ Пушкиныхъ принадлежалъ д. с. с. Никифоръ Изотовичъ († 1831 г.), женатый на Евпраксіи Аристарховнѣ Кашиной, родной теткѣ известной П. А. Осиповой, сесѣдки поэта по Михайловскому, которая, такимъ образомъ, приходилась ему дальнѣйшей родственницей. Остальные потомки Александра Григорьевича Пушкина ничѣмъ не дѣлились и стояли въ рядахъ скромнаго служилаго дворянства; отмѣтимъ изъ нихъ только одного — подполковника Андрея Павловича, который въ 1762 г. былъ генеральсь-адыуантомъ у Абрама Петровича Ганнибала и женился на его старшей дочери — Елизаветѣ Абрамовнѣ.]

Тораздо видѣе были потомки другого — одного изъ младшихъ — сына Григорія Пушки—Константина Григорьевича, отъ котораго, по прямой линіи, происходилъ поэтъ. О сынѣ Константина—Гавріилѣ и внука—Иванѣ не сохранилось документальныхъ указаній; правнукъ его—Михаилъ Ивановичъ—въ 1537 году упоминается, какъ Дмитровскій помѣщикъ,—слѣдовательно, онъ уже оставилъ по своей волѣ или по распоряженію власти, Новгородскія мѣста. Сынъ Михаила Ивановича—Семенъ Михайловичъ въ 1567 году былъ вторымъ у знамени въ Новгородскомъ, противъ поляковъ, походѣ Юаанна Грознаго, а въ 1573 г., во время отправленія въ Новгородѣ, въ присутствіи царя, чина свадьбы его племянницы, княжны Маріи Владиміровны Старицкой, съ королемъ Ливонскимъ Магнусомъ, «вторымъ сорокъ соборей держалъ»; онъ имѣлъ двухъ сыновей: Федора (стольника, подписавшагося въ 1613 году подъ грамотою объ избраніи на царство Михаила Федоровича Романова) и Тимофея Семеновича; послѣдній—прямой предокъ поэта—былъ въ 1597 году головою при Черниговскомъ поеводѣ Ѳ. И. Шереметевѣ, въ слѣдую-

щемъ—головою же «у ставленія и дозору сторожей въ Серпуховскомъ Государевомъ по Крымскимъ вѣстямъ походѣ», въ 1601 году—въ Царевѣ-Борисовѣ городѣ, а въ 1618 г. находился воеводою въ Цивильскѣ. Изъ четырехъ сыновей его—Петръ Тимоѣевичъ, по прозвищу «Толстой» и «Черной» (пра-пра-пра-прадѣдъ поэта), въ 1624 году, будучи назначенъ воеводою въ стороженомъ полку въ Пронскѣ, мѣстничался съ килземъ А. Ѳ. Литвиновымъ-Мосальскимъ, а въ 1627—1628 г. былъ воеводою въ Тюмени; онъ былъ Рязанскимъ и Московскимъ помѣщикомъ, женатъ былъ (съ 1618—1619 г.) на Еленѣ Григорьевнѣ Суцбуловой и умеръ въ 1633—1634 году. Единственный сынъ его—Петръ Петровичъ—былъ въ 1648 г. стольникомъ и принималъ участіе въ церемониальномъ поѣздѣ при бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильиничной Милославской. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1660 году; былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ—на Пелагеѣ Федоровнѣ Фефилатьевой, а вторымъ—на княжнѣ Анастасіи Аонасьевнѣ Козловской, о которой сохранились любопытныя данныя въ «Дворцовыхъ разрѣдахъ»: въ 1675 году царю Алексѣю Михайловичу докладывалось дѣло «по роспроснымъ рѣчамъ стольника килзя Ивана килзя Петрова сына Козловскаго»; «будто онъ, килзя Иванъ, жилъ съ племянницею своею съ двоюродною, съ Петровою женою Петрова сына Пушкина, съ Настасьею съ Овонасьевою дочерью, дѣтъ съ десять и больши; и онъ, килзя Иванъ, великому государю вину свою во всемъ томъ принесъ». Царь указалъ килзя Козловскаго «отдать за пристава», а А. А. Пушкину—послать подъ началъ, до своего, великаго государя, указу, въ монастырь за Тверскія ворота Пречистыи Богородицы Страстные къ игуменьѣ Доминѣ съ подъячимъ тайныхъ дѣлъ, и велѣно ея игуменьѣ держать подъ крѣпкимъ начальствомъ». Сколько времени провела Пушкина въ монастырѣ, неизвѣстно; впоследствии она переписывалась съ царевной Прасковьей Юаионовной (р. 1694 † 1731 г.), изъ чего видно, что прожила она еще очень долго; одно письмо ея, писанное «изъ Алексинской деревни», напечатано въ «Русской Старицѣ» 1884 г. (т. XLIV, стр. 188).

Родной прапрадѣдъ поэта, Петръ Петровичъ (сынъ предыдущаго 1), родился

1) Памъ неизвѣстно, родился ли онъ отъ Фефилатьевой, или отъ Козловской.

въ 1644 году. Въ 1673—1681 гг. онъ съ отличіемъ участвовалъ въ войнѣ съ турками и крымцами, за что пожалованъ былъ отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей вотчиною въ Галичскомъ уѣздѣ, въ волости Великой Пустыни; въ грамотѣ отъ 12 марта 1686 г., которою давалась Пушкину вотчина, сказано, что государи пожаловали его «за многую службу, что онъ во время войны съ Салтаномъ Турскимъ и съ Ханомъ Крымскимъ, какъ они въ 181 (т. с. 1673) году приходили сами особами своими, а послѣ того Салтанъ же Турской присылалъ визиря своего и многихъ пашей съ войсками и Хапа Крымскаго съ ордами подъ Малороссійскіе города, служилъ отцу ихъ... и имъ царямъ, ...будучи въ полкахъ съ бояры и съ воеводами съ начала тое войны во вся лѣта по 189 (т. с. 1681) годъ». Въ 1677 году Петръ Петровичъ, будучи стольникомъ, управлялъ съ бояриномъ кляземъ М. А. Голицынымъ, Владимірскимъ Суднымъ Приказомъ, въ 1683 г. межевалъ земли въ стапахъ Московскаго уѣзда, а въ 1686 г., 22 мал, вмѣстѣ съ нѣкоторыми родственниками, подалъ роспись рода своего въ Разрядный Приказъ. Въ правленіе царевны Софьи, въ 1689 г., онъ участвовалъ во второмъ крымскомъ походѣ князя В. В. Голицына, былъ имъ присланъ оттуда въ Москву и упоминается въ похвальной грамотѣ царей князю Голицыну. П. П. Пушкинъ скопчался въ Москвѣ 12 февраля 1692 года, всего 48 лѣтъ, и погребенъ былъ, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Ворсонофьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Женаъ онъ былъ, съ 1679—1680 г., на Ѳедосѣѣ Юрьевнѣ Есиповой, отъ которой имѣлъ плтерыхъ сыновей (Ивана, Леоптія-Льва, Александра, Илью, и Ѳедора) и дочь Аграфену, выдавшую за стольника Ив. Ив. Безобразова; изъ нихъ Александръ Петровичъ былъ роднымъ прадедомъ поэта по отцу, а Ѳедоръ Петровичъ—прапрадедомъ съ стороны матери.

Александръ Петровичъ Пушкинъ родился, вѣроятно, въ 90-хъ годахъ XVII вѣка; въ 1708 году онъ получилъ въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда д. Ракову съ пустошами, въ 1713 году дѣлился наслѣдствомъ съ братьями Ильею и Ѳедоромъ; въ 1718—1719 г. былъ солдатомъ л.-гв. Преображенскаго полка, гдѣ въ 1722 году былъ капитаномъ. Около этого времени онъ женился на Евдокіи Ивановнѣ Головиной, дочери одного изъ любимыхъ «депчиковъ» Петра Великаго, впоследствии ге-

нераль-кригсъ-коммиссара и адмирала—Ивана Михайловича Головина († 1738 г.) отъ брака его съ Марьей Богдановной Богдановой. Бракъ этотъ былъ несчастливъ. Евдокія Ивановна въ 1725 году была убита своимъ мужемъ; поэтъ пишетъ про своего прадеда, что онъ въ принадлежн ревности или сумасшествія зарѣзалъ свою жену, находившуюся въ родахъ». Александръ Петровичъ прожилъ послѣ этого не долго и «умеръ въ заточеніи»; какъ показывали его дѣти въ прошеніи, поданномъ имп. Петру II 25 февраля 1728 г., онъ «въ 1725 году... по смертноубійственному дѣлу... своей жены, указомъ блаженный и вѣчнодостойный памяти Ея Импер. Величества, взятъ (былъ) въ С.-Петербургъ къ гражданскому суду и умре». Послѣ его смерти остались двое малолѣтнихъ дѣтей—Левъ и Марья; заботы о сиротахъ перешли, повидимому къ ихъ дѣду, И. М. Головину, который, между прочимъ, и подписалъ за внуковъ вышеуказанное прошеніе. А. П. Пушкинъ былъ и самъ по себѣ довольно состоятельнымъ человекомъ, владелъ помѣстьями въ Московскомъ, Дмитровскомъ, Коломенскомъ, Рязанскомъ, Зарайскомъ и др. уѣздахъ; кромѣ того, въ 1718 году онъ, по завѣщанію своего двоюроднаго дѣда, стольника Ивана Ивановича Пушкина († 1717 г.), получилъ всѣ его имѣнія, въ томъ числѣ и историческое Болдино (Арзамасскаго уѣзда). Пожалованное дѣду Ивана Ивановича—Ѳедору Ѳедоровичу Пушкину, въ 1619 году «за Московское осадное сидѣніе», оно перешло сперва къ сыну его—окольничему Ивану Ѳедоровичу, а затѣмъ къ внуку—Ивану Ивановичу, завѣщавшему его А. П. Пушкину. Такимъ образомъ, Болдино, съ именемъ котораго связано столько свѣтлыхъ воспоминаній о творчествѣ поэта въ расцвѣтѣ его таланта, находилось въ роду Пушкиныхъ уже 100 лѣтъ передъ тѣмъ, какъ перешло къ Александру Петровичу,—и послѣдній удѣлялъ ему много вниманія и заботливости, стараясь, путемъ покупокъ у сосѣдей, еще болѣе расширить имѣніе. Въ малолѣтство его дѣтей, Болдинымъ распоряжался И. М. Головинъ, а въ 1741 г. оно перешло по раздѣлу съ сестрой—М. А. Ушаковой, къ Льву Александровичу Пушкину, поздне—въ 1780 г.—прикупившему къ Болдину еще деревню и пустошь.

Левъ Александровичъ, дѣдъ поэта, родился 17 февраля 1723 г. Будучи въ дѣтствѣ записанъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, онъ въ 1739 г. опредѣленъ былъ капита-

ломъ въ артиллерію, въ которой и прослужилъ до выхода своего въ отставку, въ сентябрѣ 1763 года, *подполковникомъ. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ 1762 году, онъ, какъ свидѣтельствуется поэтъ, «во время мятежа, остался вѣрнѣ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ».

Мой дѣлъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ, вѣрнѣ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Понаси въ честь тогда Орловы,
А дѣлъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ

говорить онъ въ «Моей родословной». Въ крѣпости Левъ Александровичъ «содержался два года», былъ оттуда «выпущенъ по приказанію Екатерины и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ». *«Дѣтъ мой», рассказываетъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ, «былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей и котораго онъ весьма феодално повѣсилъ на черномъ дворѣ»¹⁾. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него пострадала. Однажды онъ вслѣлъ ей одѣться и вѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на-снослхъ и чувствовала себя нездоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣтъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ развѣшилась чуть-ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и въ брилліантахъ. Все это», прибавляетъ поэтъ, «я знаю довольно темно. Отецъ мой никогда не говоритъ о странностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли». Рассказъ поэта о его дѣдѣ не поддается проверкѣ *за исключеніемъ факта съ повѣшеніемъ

¹⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ изъ Болдина, отъ 30-го сентября 1830 г., поэтъ писалъ: *«Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣститься на воротахъ моего печального замка (на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣлъ нѣкогда повѣсилъ француза, un ouichite), аббата Николя, которымъ онъ былъ недоволенъ». Отрывки изъ записокъ писаны также въ Болдинѣ, гдѣ поэтъ, вѣроятно, и слышалъ рассказы о свирѣпостяхъ своего давно умершаго дѣда.

учителя: въ имѣющемъ у насъ формулярѣ Л. А. Пушкина значится, что онъ «за непорядочные побѣи находящагося у него въ службѣ Венеціанца Харлампія Меркадіи былъ подъ свѣдѣніемъ, по по именному указу повелѣно его, Пушкина, изъ монаршей милости простить». Эти-то «непорядочные побѣи» и послужили, вѣроятно, матеріаломъ для созданія легенды о жестокой расправѣ Пушкина съ учителемъ. Быть можетъ, также нѣсколько преувеличены и рассказы о другихъ его «странностяхъ». По крайней мѣрѣ *С. Л. Пушкинъ, прочитавъ въ «Сынѣ Отечества» 1840 г. впервые напечатанный тогда отрывокъ изъ записокъ сына¹⁾, счелъ обязанностию вступить за «священную память» своего отца, «добродѣтельныйѣйшаго изъ людей»—и писалъ²⁾ по этому поводу: «Онъ былъ любимъ, уважаемъ, почитаемъ даже тѣми, которые знали его по одному слуху. Взаимная любовь его и покойной матери моей была примѣрна. Никто не помнилъ и не слышалъ ни о малѣйшемъ отступленіи отъ вѣрности, отъ должнаго уваженія другъ къ другу во все продолженіе ихъ 30-тилѣтняго союза. Исторія о французѣ и первой женѣ отца мною увеличена. Отецъ мой никогда не вѣшалъ никого. Въ поступкѣ съ французомъ участвовалъ родной братъ его жены А. М. Воейковъ; сколько я знаю, это ограничилось тѣлеснымъ наказаніемъ—и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отецъ мой и въ счастливомъ супружествѣ съ моею матерью съ нѣжностью вспоминалъ о первой женѣ своей». Далѣе Сергѣй Львовичъ возражаетъ противъ рассказа «о смерти на соломѣ въ домашней тюрьмѣ» М. М. Пушкиной и приводитъ малоубѣдительные доводы: «Кто не знаетъ, что въ XVIII столѣтіи таковыя тюрьмы не могли существовать въ Россіи и Москвѣ? Правительство потерпѣло-ли бы такое ужасное злоупотребленіе силы и власти? Родные ея не прибѣгли бы подъ защиту законовъ? Послѣ такого жестокаго поступка сохранили бы они родственную, дружескую связь съ отцомъ моимъ? и т. д.

Дополняя рассказъ поэта, слѣдуетъ сказать, что дѣлъ его скончался въ Москвѣ 25 октября 1790 года; могила его сохранилась до сихъ поръ: она находится въ старомъ соборѣ Донскаго монастыря. Первымъ бракомъ Левъ Александровичъ былъ женатъ (около 1744 г.) на Марьѣ Матвѣевнѣ

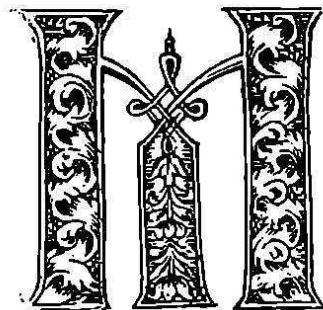
¹⁾ ч. II, № 7, апрѣль, стр. 464—465.—«Современникъ» 1840 г., т. XIX, стр. 102—106.

Воейковой (дочери д. с. с. Матвѣя Оедоровича), отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Николая (р. 1745 † 1821 г.), бывшего артиллеріи полковникомъ и женатаго на А. В. Измайловой, родной сестрѣ писателя В. В. Измайлова, ¹⁾; Петра (р. 1751 † 1825 г.), вышедшаго въ отставку артиллеріи подполковникомъ и женатаго на Казяцкой, и Александра, умершаго значительно раньше братьевъ (всѣ были бездѣтны). По смерти первой жены, Левъ Александровичъ женился вторично—на Ольгѣ Васильевнѣ Чичериной (р. 1737 † 1802), дочери полковника Василя Ивановича († 1743) отъ брака его съ Лукіей Васильевной Приклонской. Отъ этого брака родились еще двое сыновей и двѣ дочери: Василій, Сергѣй, Анна и Елизавета. Василій Львовичъ (р. 1767 † 1830) достаточно извѣстенъ, какъ поэтъ и писатель. Въ брачной жизни онъ, какъ и отецъ и дѣдъ его, былъ несчастливъ: его жена, извѣстная въ свое время красавица,—Капитолина Михайловна, рожд. Вышеславцева (дочь гв. подпоручика Михаила Степановича), въ 1805 году бросила мужа, обвинивъ его въ невѣрности и «желая выйти за другого»; этотъ другой былъ секундъ-майоръ Иванъ Акимовичъ Мальцовъ ²⁾.

Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта, родился 23 мая 1770 г. Получивъ, какъ и старшій братъ, свѣтское, французское воспитаніе и записанный сперва въ армію, онъ въ 1775 г. былъ перечисленъ въ гвардію, а съ 1777 по 1791 г. числился сержантомъ Измайловскаго полка, потомъ произведенъ былъ въ прапорщики и до 1797 г. служилъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, откуда вышелъ въ отставку майоромъ,—въ 1798 г. После этого онъ состоялъ въ Комиссаріатскомъ штатѣ, сперва въ Москвѣ (въ это время родился поэтъ), а затѣмъ въ Вирнавѣ (начальникомъ Комиссаріатской комиссіи резервной арміи); здѣсь, въ Варшавѣ, Сергѣй Львовичъ, въ іюль 1814 г., вступилъ въ Орденъ свободныхъ камешниковъ, въ ложу «Сѣвернаго Щита», къ которой, пройдя четыре предварительныхъ степеней, былъ присоединенъ 10 октября 1817 года; незадолго передъ этимъ—¹² января—онъ былъ уволенъ вовсе отъ службы съ чиномъ 5 класса. Съ этихъ поръ

1) Онъ памятенъ, между прочимъ, тѣмъ, что при его редакторствѣ «Вѣстника Европы» Пушкинъ впервые выступилъ передъ читающей публикой со стихотвореніемъ «Къ другу-стихотворцу».—2) Отъ ихъ брака родился извѣстный заводчикъ Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ.

С. Л. Пушкинъ уже никогда не служилъ, а велъ странническую и совершенно праздную жизнь, переѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, въ Михайловское и обратно, не занимаясь ни семьей, ни имѣніями, которыя своей безпечностью довели почти до разоренія. Будучи скупымъ отъ природы, онъ въ то же время былъ совершенно неразсчетливъ; человекъ веселый, въ полномъ смыслѣ слова свѣтскій, онъ обладалъ способностями къ стихотворству, но не культивировалъ ихъ, пользуясь ими исключительно для того, чтобы блеснуть въ салонахъ. Свое полное равнодушіе къ дѣтямъ, и особенно къ сыну-поэту, онъ старался скрывать подъ маской иѣжныхъ словъ и лицемѣрныхъ увѣреній въ любви и привязанности, а безразличіе къ вопросамъ религіознымъ—подъ личиной отталкивающаго ханжества. У жены своей онъ былъ «подъ пантуфлей», хотя и любилъ разыгрывать роль главы семьи, когда это представляло для него интересъ ¹⁾. Женился онъ сравнительно молодымъ,—еще будучи офицеромъ л.-гв. Егерскаго полка,—въ Петербургѣ, въ ноябрѣ 1796 года, на Надеждѣ Осиповнѣ Ганнибалѣ (р. 1775 † 1836 г.), своей внучатной племянницѣ] жившей тогда съ матерью въ Петербургѣ. Надежда Осиповна была дочерью Осяпа Абрамовича Ганнибалы отъ брака его съ Марьей Александровной Пушкиной ²⁾.

мы сказали уже выше, что изъ сыновей стольника Петра Петровича Пушкина, женатаго на О. Ю. Есиповой, Александръ былъ правдомъ поэта по отцу, а Оедоръ—праправдомъ со стороны матери.

Двойное родство это произошло слѣдую-

1) Прекрасную характеристику С. Л. Пушкина см. у Анненкова: «Матеріалы», изд. 1873 г., стр. 6—8 и «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», изд. 1874 г., стр. 15—22.—2) У С. Л. Пушкина, какъ мы сказали, было двѣ родныхъ сестры, которыхъ онъ по своему очень любилъ: Анна Львовна (р. 1769 † 1823 г.), умершая дѣвщцей, и Елизавета Львовна (р. 1776 † 1848), бывшая замужемъ за д. с. с. Матвѣемъ Михайловичемъ Солцевымъ (р. 1779 † 1847), съ которымъ Сергѣй Львовичъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.